

1 Разговор третий. О жестокостях христиан.

Семинарист, вытаскивая из-за пазухи свежую книжку Эрмана: А я во чего купил!

Оптимист: Лучше бы Златоуста почитал.

Пессимист: Зачем же Вы так, коллега? Молодежь тянется к знаниям!

Оптимист: Какие знания? У Эрмана сплошные натяжки и провокации!

Семинарист, мечтательно: Провокации! Мmmm!

Пессимист: Почему Вы сразу отмечаете обоснованную критику? Взять хотя бы тезис об эксклюзивности некоторых религий. Например, иудеи, христиане, мусульмане считают, что истинна только их религия, а другие религии отвергают. И когда власть попадает в их руки, они устраивают гонение на инакомыслящих. Все логично, не так ли?

Оптимист: Эрман сам же пишет, что так бывает не всегда.

Пессимист: Это неважно. Главное, что это справедливо в отношении христианства. Поистине кровавая религия!

Оптимист: Отдельные эксцессы еще не говорят о том, что это была одобряемая политика. И христиане особо никого не убивали.

Пессимист: Как насчет убийства Ипатии, Александрийской девы-философа толпой разъяренных христианских гопников? Есть даже подозрение, что санкция исходила от самого Кирилла Александрийского!

Оптимист: Нашли один пример, и давай с ним носиться. Ипатию убили люди, которые превратно поняли Библию. Таким деятелям всегда больше нравится Ветхий Завет, по понятным причинам. Их и христианами можно назвать с натяжкой. А святитель Кирилл тут не при чем! Александрия — огромный по тогдашним меркам город, серьезные трения в обществе. Он просто не мог все контролировать.

Пессимист: Да уж конечно! В житии святого такие вещи как-то не очень хорошо смотрятся. А как насчет крестовых походов? Иерусалимская резня в 1099 году — прекрасный пример жестокости христиан.

Семинарист, отрываясь от чтения книги: Это все католики, злыдни!

Оптимист: Ну хватит ерничать! Эти походы — следствие властолюбия пап и алчности рыцарей. К тому же мусульмане выкрикивали со стен оскорбления против Христа, чем сильно разозлили осаждавших.

Семинарист, отрываясь от чтения Эрмановской книжки: Во чего нашел! Либаний пишет про разорение языческих капищ: “Это племя черноризцев, что едят больше слонов, а пьют столько, что певцы, сопровождающие их трапезы гимнами, устают петь...” (эта традиция, скажу я вам, сохранилась до наших дней! У нашего архиерея тоже по сто раз “многая лета” поют за трапезой) “... спешат нападать

на храмы, вооружившись палками, камнями и железными прутьями, а иной раз, презрев это оружие, с голыми руками и ногами. Они разбирают крыши, сносят стены, сбрасывают наземь статуи, переворачивают алтари, а жрецы, видя это, должны молчать, или умереть”.

Оптимист: Это клевета ритор-язычника! Он все утрирует!

Пессимист: Смиритесь уже с подлинным историческим свидетельством.

Оптимист: Но ведь были и противоположные примеры! Святитель Григорий Богослов считал, что нужно действовать убеждением, потому что принуждаемый потом с еще большим упорством вернется к своей прежней вере.

Семинарист: Да уж. Иеговистов вот запретили... А они ведь есть где-то! Ушли в подполье и ждут своего часа, готовятся...

Пессимист: История с запретом деятельности Свидетелей Иеговы — возмутительна! Православная Церковь, еще недавно терпевшая преследования, сама сделалась инициатором гонений.

Оптимист: Попробуйте взглянуть на происходящее с точки зрения ревностного епископа или священника-ортодокса.

Семинарист: Такие еще остались?

Оптимист: Не сомневайся! Итак, если речь идет об избавлении душ от вечной муки, то ставка слишком высока, чтобы сидеть сложа руки. Неверное учение приводит людей к гибели. По сути язычник, еретик, отвращающий христиан от веры в Сына Божия, — массовый убийца душ. Конечно, необходимо что-то противопоставить этой душепагубной деятельности. Как там Златоуст говорит про пастуха? Пока волк сидит в лесу, пастух его и не трогает, играет себе на свирели. Но когда волк пытается утащить одну из овец, он откладывает свирель, берет пращу и поражает волка.

Семинарист: О, да, простые решения! Еретика — камнем в лоб! Что-то я, помнится, читал про это у Иосифа Волоцкого, в “Просветителе”... Не этими ли цитатами из Златоуста он оправдывал сожжение еретиков-“жидовствующих”?

Пессимист: Да-да. Он еще приводит в подтверждение свидетельства из Ветхого Завета о геноциде хананеев, которое якобы санкционировано Богом.

Оптимист: А как же Кирилловские старцы-нестяжатели, ученики Нила Сорского? Они не принимали позицию иосифлян, настаивая на том, что ответом на деятельность еретиков должна быть молитва и христианское милосердие. Нужно ожидать покаяния заблудшего, а не казнить его. А главное — необходим личный пример святой христианской жизни.

Семинарист: Следовательно, когда Церковь привлекает к борьбе с ересью гражданскую власть — налицо серьезная проблема с нравственностью христиан?

Пессимист: Я бы сказал больше. Для Церкви, судя по всему, очень вредно находиться в привелигированном положении. Лучшие стороны верующие

проявляют, когда подвергаются гонениям. Ergo...

Оптимист: Знакомая песня атеистов: давайте устроим гонение на христиан, они сами хотят страдать за свою веру! Только кто дал им право выносить такие решения? Самоназначенные арбитры нравственности! Кто дал вам право устанавливать свои собственные правила? Кто позволил вам заменить совесть идеологией? Сколько жизней вы должны загубить? Сколько Гулагов и Бухенвальдов должно быть построено, прежде чем вы осознаете, что человек не в праве изменять нравственный императив по своему вкусу?

Семинарист: Ух! Аж дух захватывает! Только религиозная... нет! Только христианская нравственность заслуживает воплощения в жизнь! Теперь надо призвать к уничтожению нравственных релятивистов, ибо они покусились на святую!

Пессимист: И устроить большую религиозную войну, пару концлагерей там... Ну, как положено. Дон Рэба одобряет!

Оптимист: Тут важен вопрос мотивации. Я уже говорил, что многое зависит от системы ценностей. Если главная ценность — гуманистическая: земная жизнь и свобода человека, то тогда надо оставить еретиков в покое. Пусть себе занимаются прозелитизмом. Но если основная ценность — достижение Царства Небесного, вечная жизнь с Богом, то тогда все выглядит иначе.

Семинарист: Но значит ли это, что инквизиторы были правы, потому что руководствовались духовной пользой человечества?

Оптимист: Инквизиция — изобретение католиков! А католики...

Семинарист: Понятно. Еретики придумали сжигать еретиков. Так все прямо понятно сразу! Только почему некоторые православные святые одобряли все это? Похоже, в Церкви всегда было два мнения по поводу того, что делать с ересью и еретиками. То же иосифлянство и нестяжательство. Чем жестче догматизм и нетерпимость, тем страшнее гонения на инакомыслие. И наоборот.

Пессимист: Как по мне, казнь еретиков — это жест отчаяния. Когда епископы и священники, необразованные, погрязшие в богатстве и распущенности, не справляются со своей задачей переубедить инакомыслящих, они зовут на помощь гражданскую власть и казнят всех, кого не смогли уговорить. Мы и сегодня это видим в гонениях на иеговистов и сайентологов, еще этот ДСС, Энтео с его хулиганскими выходками...

Оптимист: При чем тут Энтео? Государственный деятель, осознающий свою ответственность перед Богом за свое отношение к Церкви, не может безучастно смотреть, как Православие подвергается атаке и приходит на помощь. Одним прощением и милосердием с еретиками не справишься. Особенно, если еретики упорствуют, злоупотребляя милосердием и прощением христиан и продолжают губить души. Не будет ли правильнее, если гражданская власть в христианском государстве ограничит их зловредную деятельность? Сжигать это, конечно, черезчур...

Пессимист: Неужели Вы не понимаете, что чаша весов однажды качнется в другую сторону, и на стороне гонимых снова окажутся христиане? Вы сами собираете себе угли на голову.

Оптимист: Пусть так! Но правда на нашей стороне.

Пессимист: Апология инквизиции. Интересно...

Семинарист: Что-то у меня глаз дергается. Кажется, начальствохватилосьменя в семинарии и собирается подвергнуть казням за прогул молитвы...

Оптимист: И за чтение Эрмана!

Семинарист: Я убежал!

Семинарист мгновенно исчезает. Пессимист и Оптимист пожимают плечами и тоже расходятся.

Конец третьего разговора.